

С РАБОЧЕГО СТОЛА МОЛОДОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

А.В. Колмаков

ДОКУМЕНТЫ 20–30-Х ГГ. XX ВЕКА: ИСТОРИЯ ПОРАБОЩЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Данная статья является не столько исследованием документов партии в области литературы, сколько попыткой описания хроники огосударствления литературы. Наша работа поможет учителю проследить внутреннюю логику событий, понять цели тех, кто стоял за этими письмами, постановлениями, служебными записками. Именно такой подход, на наш взгляд позволяет наиболее полно и четко изучить период 20-х гг. XX века и определить тенденции, заложенные в этом периоде и приведшие к полному государственному контролю в области литературы в 30-е годы.

Следует отметить, что предпосылки к подчинению литературы политике были задолго до Октябрьской революции, они содержались уже в работах Г.В. Плеханова, утверждавшего, что писатели, вдохновленные движением пролетариата, могут сформировать социалистическую фракцию. Открытый призыв: «Долой литераторов беспартийных! Долой литераторов сверхчеловеков!» содержался в знаменитой статье В.И. Ленина «Партийная организация и партийная литература» (1905). Но до прихода большевиков к власти это были призывы и лозунги. В 20-е гг. они превратились в государственную политику.

Первым шагом на пути введения партийного управления в искусстве слова стало письмо ЦК РКП(б) «О пролеткультах» (было опубликовано в газете «Правда» в декабре 1920 года). Это был первый документ, определявший политику партии в области литературы. Посвящено письмо Пролеткульту (негосударственное объединение пролетарских культурно-просветительских организаций), которому предписывалось подчиниться партии и войти в качестве отдела в Наркомпрос (Народный комиссариат просвещения). Критиковались главным образом эстетические и идеологические позиции лидеров Пролеткульта (А. Богданова, В. Плетнева и др.): идеи о создании нового искусства, нового человека, отрицание классического искусства как буржуазного и чуждого пролетариату. Следует отметить, что документ создавался по прямому указанию

В.И. Ленина, при его непосредственном участии и контроле.

Письмо «О пролеткультах» можно оценивать двояко: с одной стороны, в нем был дан отпор лидерам пролетарского искусства, пытавшимся узурпировать власть и право на то, чтобы стать основой советской культуры. Было сказано, что великие произведения прошлого тоже представляют эстетическую, философскую и культурную ценность. С другой стороны, этот документ был первым свидетельством подчинения искусства власти, первой попыткой установить партийный контроль над свободой художественного творчества и высказывания эстетических позиций, первым признаком того, что государство не собирается отдавать или передоверять каким-либо органам и группам контроль над литературой.

Тенденция к расширению государственного влияния в искусстве продолжала активно развиваться и позже. Развитие буржуазной и мещанской, по мнению партийцев, литературы, которую в большом количестве стали издавать нэпманские издательства, побудило партийных руководителей к активным действиям. Л.Д. Троцкий 30 июня 1922 года в записке в политбюро ЦК РКП(б) предложил по проведению «осознанной политики» в области литературы. Среди прочего было предложено финансово поддержать молодых писателей, список которых предлагалось составить «тг. Мещерякову, Воронскому и Лебедеву-Полянскому», а партийным издательствам предлагалось опубликовать отзывы об этих писателях «более “утилитарно”, т.е. с целью добиться определенного воздействия и влияния...»¹. Эту идею 3 июля 1922 года в своей записке поддерживает И.В. Сталин: «... Формирование советской культуры, о которой так много говорили и писали одно время некоторые “пролетарские идеологи”, теперь только началось» (38). 6 июля 1922 года в постановлении Политбюро ЦК РКП(б) предлагается «ассигновать некоторую сумму денег» (40). До осени выходит несколько постановлений об организации

Антон Викторович Колмаков — аспирант кафедры современной русской литературы Уральского государственного педагогического университета.

¹ Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953. / Под ред. А.Н. Яковлева. Сост. А.Н. Артизов, О.В. Наумов. – М.: Международный фонд «Демократия», 2002. С. 36. Далее страницы по этому изданию будут указываться в тексте.

издательств, журналов, о поддержке молодых писателей. В качестве исполняющего сотрудника в постановлениях часто фигурирует А.К. Воронский (будущий лидер группы «Перевал»). Остается только напомнить, что РАПП (Российская ассоциация пролетарских писателей) и ЛЕФ (Левый фронт искусств) были образованы в конце 1922 года, чуть ранее был открыт первый «толстый» советский литературный журнал «Красная новь», вокруг которого объединились «перевальцы». Так на государственные деньги были созданы три просоветских литературных организации, которые и развернули борьбу за лидерство в советской литературе.

В.И. Ленин и Л.Д. Троцкий поощряли конкуренцию литературных объединений, видимо, считая, что именно такой подход позволит довольно слабой советской пролетарской литературе развиваться, учась у классиков и «попутчиков», «заслужить право на гегемонию» в советском искусстве. Л. Троцкий пишет: «Область искусства – не такая, где партия призвана командовать. Она может и должна ограждать, содействовать и лишь косвенно – руководить. Она может и должна оказывать условный кредит своего рода доверия разным художественным группировкам, искренне стремящимся ближе подойти к революции»².

Но не все разделяли их взгляды. Анализ деловой переписки И.В. Сталина³ позволяет утверждать, что уже тогда ему не нравилась разобщенность советских писателей, их неподконтрольность власти и неорганизованность. Позже эту тенденцию уловил и замечательно передал А. Платонов: «Роботы ему нужны, а не живые люди. Роботы, которые и говорят, и движутся при помощи электричества. <...> Нажмут кнопку – и все пятьсот, или сколько их там есть, писателей, враз запишут, как Горбатовы»⁴. Да и сам Сталин в 1930-м году в ответ на упрек Д. Бедного в излишнем вмешательстве в творческий процесс ответил: «Как назвать коммуниста, который вместо того, чтоб вдуматься в существо решения исполнительного органа ЦК и исправить свои ошибки, третирует это решение...»⁵. Только очень редким писателям позже пришлось непослушание.

Уже в июле 1922 года Сталин задумывался о создании единой организации литераторов «“Общества развития русской культуры” или чего-нибудь в этом роде», чтобы «во главе такого общества поставить беспартийного, но совет-

ски настроенного» писателя (38). Свои предложения он оформил в виде записки в политбюро ЦК РКП(б). Но в 1922 году политическое и культурное влияние Сталина было весьма ограничено, и его идеи не нашли отклика у ЦК.

Однако позиции В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого тоже не стоит идеализировать – они отнюдь не поощряли свободу литературного творчества. Ими литература воспринималась как средство воспитания масс, выполняющее в первую очередь социальные функции. В 1924 году Л.Д. Троцкий в письме Л. Авербаху (один из лидеров РАППа) пишет буквально следующее: «...Литература является одним из средств воспитания и действует параллельно с другими средствами... <...> Надо твердо и ясно помнить, что художественная литература не есть микрокосм, а есть часть макрокосма»⁶.

В июне 1925 года вышло постановление Политбюро ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы». Это постановление стало своеобразным итогом и одновременно вехой в культурной полемике начала – середины 20-х гг. В нем были четко определены взгляды партийного руководства на основные вопросы литературной жизни: «...Соотношение между пролетарскими писателями, крестьянскими писателями и так называемыми “попутчиками” и другими; политика партии по отношению к самим пролетарским писателям; вопросы критики; вопросы о стиле и форме художественных произведений и методах выработки новых художественных форм; наконец, вопросы организационного характера» (55). В разработке постановления участвовали Н.И. Бухарин, А.В. Луначарский, Г. Лелевич и, возможно (документально это не подтверждено), Ф.Ф. Раскольников.

Следует отметить, что партийный взгляд на литературу с 1920-го года изменился не сильно. Постановление 1925 г. было осторожным и хорошо продуманным.

В постановлении сказано, что литература должна развиваться в рамках советской идеологии, должна служить, помогать формированию пролетарской литературы высокого уровня качества, но «партия в целом отнюдь не может связать себя приверженностью к какому-либо направлению в области литературной формы»⁷. «Поэтому партия должна высказываться за свободное соревнование различных группировок и течений в данной области. Всякое иное решение вопроса было бы казенно-бюрократическим псевдорешением. Точно так же недопустима декретом или партийным постановлением

² Троцкий Л. Литература и революция. – М., 1991. С. 170.

³ Имеются в виду записка И.В. Сталина в Политбюро ЦК РКП(б) от 3 июля 1922 года, докладная записка Я.А. Яковлева о ситуации в писательской среде того же периода.

⁴ Соколов Б.В. Сталин, Булгаков, Мейерхольд... Культура под сенью великого кормчего. – М.: Вече, 2004. С. 63.

⁵ Там же. С. 87.

⁶ Большая цензура: Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917–1956. Под общ. ред. акад. А.Н. Яковлева; Сост. Л.В. Максименков. – М. МФД: Материк, 2005. С. 75.

⁷ Там же. С. 56.

легализованная монополия на литературно-издательское дело какой-либо группы или литературной организации»⁸.

Итогом этого постановления стало формальное ослабление партийного контроля над литературой (что, впрочем, не мешало ГПУ запрещать публикацию произведений, изымать из продажи выпуски журналов и книги, характернейшим примером является изъятие пятой книги «Нового мира», в которой была опубликована «Повесть непогашенной луны» Б.А. Пильняка⁹).

Но постановление 1925 года было последним партийным документом, устанавливавшим относительную независимость литературы: предшествовавшая постановлению смерть В.И. Ленина и готовившееся отстранение от власти Л.Д. Троцкого развязали Сталину руки.

Уже в 1926 году принимается «Постановление Политбюро о закрытии издательства “Новая Россия” и о работе среди “интеллигентских антисоветских группировок”». В одном из пунктов постановления ОГПУ предлагается «представить доклад об антисоветских группировках в стране», в первую очередь среди интеллигенции (112–113). Может показаться, что данное постановление к литературе отношения не имеет: антисоветские группировки среди интеллигенции – это не обязательно группы писателей или других деятелей искусств. Но сам подход, примененный в постановлении, позже был озвучен Сталиным на встрече с украинскими литераторами (февраль 1929 года): нужно говорить «о пролетарском характере литературы, об антипролетарском, о рабоче-крестьянском характере, об антирабоче-крестьянском характере, о революционном, не революционном, о советском, антисоветском»(105).

Постепенно в литературе вводились всё более жесткие правила, одно за другим последовали несколько выступлений и постановлений, регламентировавших писательскую деятельность и вводивших полномасштабную цензуру. Специальным решением политбюро от 3 сентября 1930 года государственные издательства обязываются ввести в штат политредакторов, утверждаемых Главлитом и Культпропом ЦК – комиссаров для литературы. В 1931 году принимается постановление политбюро ЦК ВКП(б) «Об усилении политконтроля за выпускаемой периодической и непериодической печатью» (144–145), в котором институт политредакторов распространяется на все периодические печатные издания. В этом же документе говорится об уголовной ответствен-

ности политредакторов за пропуск «вредных, антисоветских» изданий или материалов.

Сталин ввел в советской литературе новый метод управления, окончательно оформившийся в 1932 году в виде постановления Политбюро ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций». Документ узаконил полный контроль партии над литературой, точнее, не партии: если ранее литература должна была служить народу, то теперь ей предписывалось выполнять рекомендации ЦК:

«В настоящее время, когда успели уже вырасти кадры пролетарской литературы и искусства, выдвинулись новые писатели и художники с заводов, фабрик, колхозов, рамки существующих пролетарских литературно-художественных организаций (ВОАПП, РАПП, РАМП и др.) становятся уже узкими и тормозят серьезный размах [литературного и] художественного творчества.

Это обстоятельство создает опасность превращения этих 173 организаций из средства наибольшей мобилизации [действительно] советских писателей и художников вокруг задач социалистического строительства в средство культивирования кружковой замкнутости, отрыва [иногда] от политических задач современности и от значительных групп писателей и художников, сочувствующих социалистическому строительству [и готовых его поддержать]» (172–173).

Следует отметить также важную деталь: постановление редактировал И.В. Сталин лично, слова в квадратных скобках были им вычеркнуты – нельзя недооценивать значения, которое советский лидер придавал литературе. В итоговой части постановления выделенное курсивом добавлено Сталиным:

«Исходя из этого, ЦК ВКП(б) постановляет:

1) ликвидировать ассоциацию пролетарских писателей (ВОАПП, РАПП);

2) объединить всех писателей, *поддерживающих платформу Советской* [стоящих за политику советской] власти и стремящихся участвовать в социалистическом строительстве, в единый союз советских писателей с коммунистической фракцией в нем;

3) провести аналогичное *изменение по линии других видов искусства* [объединение музыкантов, композиторов, художников, архитекторов и т.п. организаций]» (173).

На смену жаркой борьбе литературных группировок, пришла единая воля партии, на смену разнообразию и сложности творческих поисков пришло объединение в союз, основанный на политических критериях («поддержка платформы советской власти»), – в сталинском тексте «виды искусства» и «организации» становятся взаимозаменяемыми синонимами, в этом

⁸ Большая цензура: Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917–1956. Под общ. ред. акад. А.Н. Яковлева; Сост. Л.В. Максимова. – М. МФД: Материк, 2005. С. 57.

⁹ В документах ГПУ и ВКП(б) – «Повесть о непогашенной луне».

вся суть сталинской политики. Советский вождь никому не хотел перепоручать контроль над искусством, поэтому даже самая близкая власти группа РАПП была ликвидирована.

Стоит отметить, что реакция интеллигенции на постановление 1932 года не была однозначной. Сохранились документы, свидетельствующие о реакции рапповцев: письма А.А. Фадеева Л.М. Кагановичу и В.М. Киршона И.В. Сталину и Л.М. Кагановичу наполнены обидой и ощущением свершившейся несправедливости. А.А. Фадеев не может признать, что восемь лет его жизни ушло «не на то, чтобы бороться за партию и ее ЦК с классовым врагом, а на какую-то групповщину и кружковщину...» (176). В.М. Киршон в своем письме значительно более резок: он пишет, что последние изменения в государственной литературной политике «имеют целью полную *ликвидацию* бывшего руководства РАПП и писателей, и критиков, разделявших его позиции» (177), при этом слово «ликвидацию» выделено автором. Рапповцы не могли примириться с потерей контроля над литературными журналами, газетами и издательствами, они восприняли постановление как ошибку, которую настойчиво предлагали исправить.

Сохранились также документы, свидетельствующие о поддержке постановления писателями, не входившими в РАПП: письмо группы поэтов секретарям ЦК ВКП(б), под которым поставили подписи Н. Асеев, В. Инбер, М. Светлов,

И. Сельвинский, Э. Багрицкий и др. Постановление, по их мнению, «...создает ту необходимую творческую атмосферу, которой за последнее время так не хватало всей советской литературе...» (173).

Точку в обсуждении значения постановления поставил сам И.В. Сталин в своей речи на собрании писателей-коммунистов на квартире Горького (встреча проходила 20 октября 1932 г.) (261). Начав с разоблачения РАППа, который был обвинен в проведении неверной политики, в организации «грызни» коммунистов, в «зазнайстве» и невыполнении задач партии, Сталин объяснил истинное значение постановления: «Часть писателей вроде Пильняка поняли наше постановление так, что теперь, мол, сняты все оковы и все нам дозволено. <...> Будет создан единый союз, в котором объединятся все и в котором будет единая руководящая фракция коммунистов» (262–263). Описав свое видение новой системы государственного управления литературой, Сталин перешел к конкретным руководящим указаниям в области литературы: что писать, когда писать, кому писать, как писать, но это уже тема другой статьи.

Таким образом, постановление 1932 года прекратило соревнование литературных группировок, послужило основанием для создания новой организации в рамках государственного аппарата, которой предназначалось руководить советской литературой в дальнейшем.